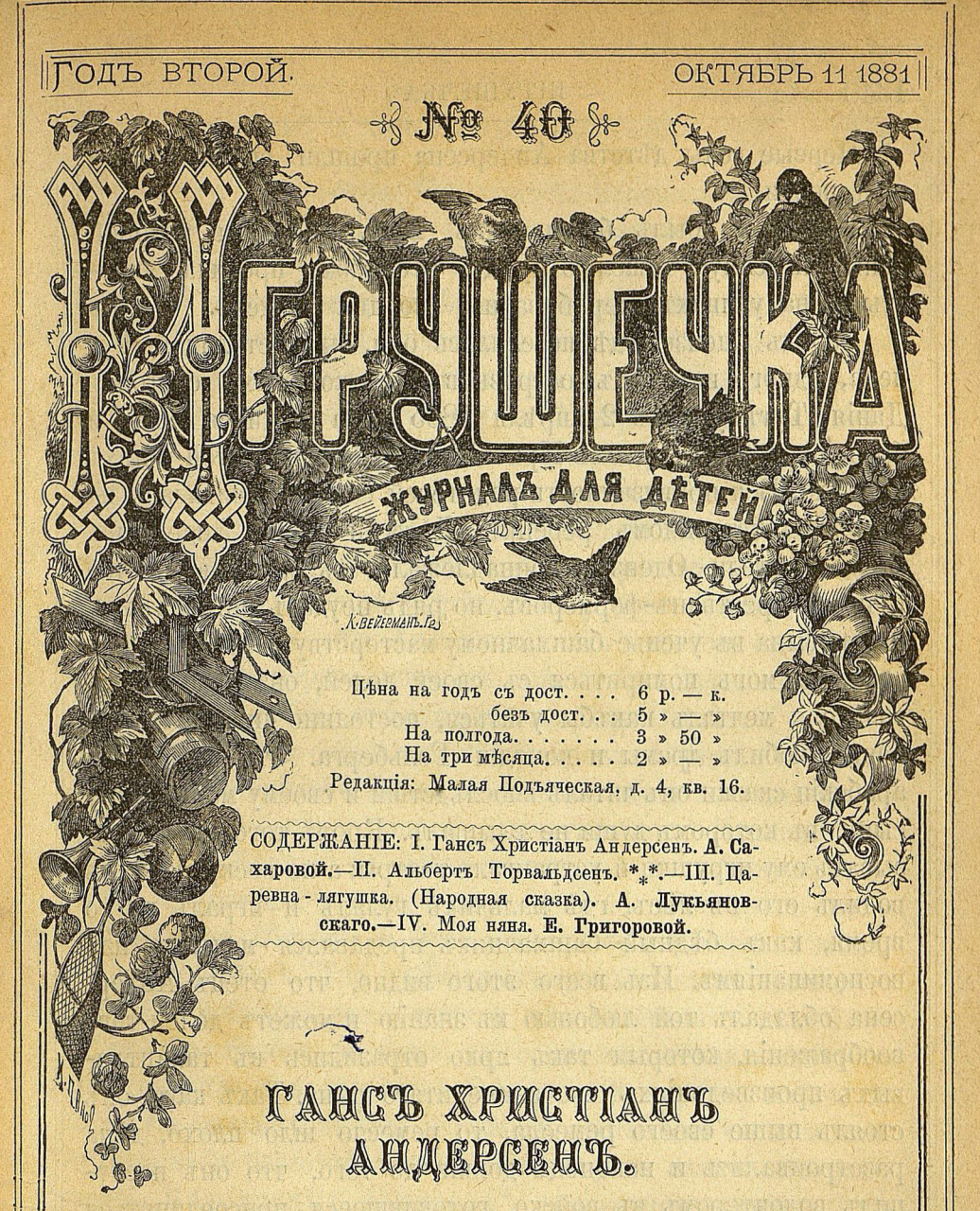
ГОДЪ ВТОРОЙ. ОКТЯБРЬ 11 1881

№ 40



Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
безъ дост. . . 5 » — »
На полгода. . . . . 3 » 50 »
На три мѣсяца. . . . . 2 » — »
Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Гансъ Христіанъ Андерсенъ. **А. Сахаровой.**—II. Альбертъ Торвальдсенъ. ***.—III. Царевна-лягушка. (Народная сказка). **А. Лукьяновскаго.**—IV. Моя няня. **Е. Григоровой.**

ГАНСЪ ХРИСТІАНЪ АНДЕРСЕНЪ.

ГАНСЪ Христіанъ Андерсенъ — имя талантливаго, симпатичнаго датскаго сказочника — вѣроятно оно и для васъ, молодые читатели, является однимъ изъ самыхъ знакомыхъ и любимыхъ именъ, и разсказъ о жизни вашего стараго друга не покажется вамъ безъ-интереснымъ.

Первые годы дѣтства Андерсена прошли среди бѣдной обстановки.

Его отецъ былъ башмачникъ, мать, родители которой испытали самую тяжелую нужду, ребенкомъ просила милостыню на улицахъ, перебивались изо дня въ день.

Городъ Оденсе, гдѣ поселились они, былъ столицей Фунена, одного изъ тѣхъ островковъ, изъ которыхъ состоитъ Данія. Тутъ у нихъ 2 апрѣля 1805 года родился сынъ и былъ окрещенъ Гансомъ Христіаномъ. Больше дѣтей у нихъ не было. Вся привязанность родителей сосредоточивалась на этомъ единственномъ ребенкѣ. Дѣдъ и бабка Андерсена, также жители Оденсе, принадлежали къ сословію достаточныхъ крестьянъ-фермеровъ, но рядъ неудачъ заставилъ ихъ отдать сына въ ученье башмачному мастерству. Отецъ Андерсена не могъ помириться съ своей долей, онъ всю жизнь только и мечталъ какъбы учиться, постоянно читалъ и особенно любилъ драмы и комедіи Гольберга. Эти комедіи и арабскія сказки онъ читалъ впослѣдствіи и своему маленькому сыну, въ которомъ души не слышалъ. Кромѣ того онъ вырѣзывалъ ему игрушки и устраивалъ театры; а по воскресеньямъ водилъ его въ лѣсъ, гдѣ мальчикъ гулялъ и игралъ въ то время, какъ бѣдный башмачникъ предавался мечтамъ или воспоминаніямъ. Изъ всего этого видно, что отецъ Андерсена обладалъ той любовью къ знанію и можетъ долей того воображенія, которыя такъ ярко отразились въ талантливыхъ произведеніяхъ его знаменитаго сына. Такъ какъ онъ стоялъ выше своего ремесла, то ремесло шло плохо, дѣла разстроивались и наконецъ дошли до того, что онъ поступилъ волонтеромъ въ войско, готовившееся присоединиться къ Наполеону (Наполеонъ былъ его идеаломъ), въ надеждѣ дослужиться до чина лейтенанта.

Но такъ какъ вскорѣ былъ заключенъ миръ, то онъ и вернулся домой съ здоровьемъ растроеннымъ перемѣной образа жизни и вскорѣ умеръ.

Воспоминанія дѣтства и юности отразились въ сочине-

ніяхъ юнаго Андерсена. Его романы переполнены пережитыми имъ приключеніями, а въ его сказкахъ, такъ хорошо извѣстныхъ всему читающему дѣтскому и не дѣтскому міру, не рѣдко встрѣчаются проблески его личной жизни. Ящики съ цвѣтами на крышѣ, описанные имъ въ Королевѣ Снѣговъ, образующіе искусственный садъ обитателей двухъ чердаковъ, срисованы имъ съ натуры. Андерсенъ въ ребячествѣ видѣлъ какъ его родители и ихъ сосѣди устраивали подобные сады. Быть можетъ скромная, простая обстановка много способствовала развитію наблюдательности датскаго сказочника и той обрисовкѣ низшихъ формъ растительной и животной жизни, которыя встрѣчаются у него всегда.

Послѣ смерти отца Андерсена, мать его вторично вышла замужъ, и они переселились въ домикъ съ маленькимъ настоящимъ садикомъ, выходящимъ на рѣку Одензе. Тутъ воображенію Ганса открылась новая арена. Городъ, который многимъ напоминаетъ Одина и скандинавскія легенды, былъ переполненъ средневѣковыми памятниками. Церковь св. Кнуда (или Канута), къ приходу которой они были причислены, напоминала легенду о королѣ, въ честь котораго она и была названа, убитомъ въ прежней церкви, стоявшей на этомъ же самомъ мѣстѣ. Три громадныхъ мельничныхъ колеса—мельницы монаховъ виднѣвшихся изъ маленькаго садика,—монашеское болото, за нимъ, за горою, лѣсъ—монашенокъ—все говорило о временахъ преобладанія церкви, власти и богатствъ монастыря. Эта обстановка составляла часть жизни Андерсена и безсознательно запала ему въ память. Въ разсказѣ „Водолазный колоколъ“, написанномъ сорокъ лѣтъ спустя, видно какъ сцены изъ его дѣтства переплелись съ старой легендой о рѣкѣ Одензе.

Обычаи города также отзывались старымъ временемъ, говоритъ Андерсенъ. Его разсказъ: „Вѣтеръ двигаетъ вывѣсками“ напоминаетъ гражданскую церемонію, въ которой цехи несли каждый свою вывѣску, обыкновенно вывѣшиваемыя надъ лавками различныхъ членовъ цеховъ, и мар-

шировали въ фантастическомъ шествіи съ клоуномъ во главѣ.

Въ повѣсти „О. и Т.“—яркая картина ежегодной ярмарки въ Оденсе, куда стекались не только крестьяне-фермеры и помѣщики Фунена для торговли или забавы, но также и поселяне, мелкіе торговцы, гончары и продавцы съѣстныхъ припасовъ изъ степей и съ песчанаго морскаго берега самыхъ отдаленныхъ частей Ютландіи. Андерсенъ упомянулъ въ своемъ разсказѣ даже и о старухахъ, которыя, по обыкновенію, стирали бѣлье на рѣкѣ.

Въ другихъ сказкахъ Андерсена изъ воспоминаній его личной жизни: „Рѣщикъ въ Хольгеръ-Даньке“ напоминаетъ его стараго дѣда, который, несмотря на свое слабоуміе, отличался необыкновеннымъ искусствомъ вырѣзывать изъ дерева удивительныя фигурки и надѣлялъ ими своихъ сосѣдей крестьянъ. А его жена—почтенная, достойная старушка, гордилась тѣмъ, что мать ея была знатнаго рода изъ города Кассета, только вышла замужъ за человѣка изъ низшаго сословія и вслѣдствіе этого обѣднѣла. Маленькій Гансъ очень любилъ эту бабушку, и она является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во многихъ изъ его повѣстей.

Его сказка „О красныхъ башмачкахъ“ была вызвана воспоминаніемъ о томъ, когда онъ въ первый разъ пріобщался св. таинъ. Въ этотъ торжественный день, Гансъ въ первый разъ надѣлъ сапоги (до этого времени онъ ходилъ въ башмачкахъ), и такъ былъ счастливъ ими, что не могъ рѣшиться носить ихъ обыкновеннымъ манеромъ, а засунулъ свои панталоны подъ голенища, чтобы сапоги были на виду, но вскорѣ его стала мучить совѣсть,—мысль о новыхъ сапогахъ мѣшала ему молиться.

Образованіе Гансъ получилъ самое жалкое, онъ ходилъ въ маленькую школу одной старушки, откуда вышелъ изъ-за того, что та ударила его розгой, и перешелъ въ другую школу, гдѣ сдѣлался любимцемъ учителя; но, повидимому, особенныхъ успѣховъ въ ученьи Андерсенъ не оказалъ. По-

томъ онъ посѣщалъ правильно организованную школу благотворительнаго общества, гдѣ учился закону Божію, письму и ариѳметикѣ. Уроки онъ твердилъ по дорогѣ въ школу, довѣряя своей блестящей памяти но; результатъ былъ неудовлетворителенъ, онъ плохо зналъ свои уроки и не умѣлъ написать ни одного слова правильно.

Фантазія Андерсена развивалась гораздо быстрѣе, чѣмъ пріобрѣталось знаніе. Кромѣ произведеній Гольберга, Андерсенъ познакомился съ произведеніями Шекспира, котораго читалъ въ переводѣ въ домѣ г-жи Бункефлодъ, вдовы священника, женщины очень доброй и расположенной къ нему.

Пьесы Шекспира онъ разыгрывалъ на кукольномъ театрѣ, и самъ костюмировалъ куколъ.

Увлекаясь театральными представленіями, онъ написалъ драму, основанную на балладѣ о Пирамѣ и Тизбѣ. Такъ какъ интересъ трагедій увеличивается, когда гибнетъ много героевъ, то онъ принесъ въ жертву всѣ дѣйствующія лица, включивши сюда пустынника и его сына, два лица не относившіяся къ трагедіи, чтобы увеличить число убитыхъ, и убилъ себя изъ любви къ Тизбѣ, когда Тизба умираетъ. Впослѣдствіи онъ сочинилъ еще одну театральную пьесу и любилъ читать ее вслухъ. „Мнѣ никогда не приходило въ голову, говоритъ Андерсенъ въ своей автобіографіи, чтобы другіе могли слушать меня безъ особеннаго удовольствія“.

Вообще изъ автобіографіи Андерсена видно, что это былъ ребенокъ оригинальный. Порой онъ задумывался до того, что ходилъ съ закрытыми глазами по комнатамъ и даже по улицамъ, и сохранилъ эту привычку всю свою жизнь. Отъ этого многимъ казалось, что у него были слабые глаза, въ дѣйствительности же зрѣніе его было превосходно.

Съ дѣтства Андерсенъ былъ религіозенъ, талантливъ и въ высшей степени простодушенъ, качества эти пріобрѣтали ему друзей, несмотря на своеобразность его манеръ и наивное тщеславіе, которыя часто вызывали насмѣшку. Однажды, будучи еще ребенкомъ, онъ помогалъ матери собирать остав-

ленные на полѣ колосья. Староста селенья, человѣкъ жестокій и грубый, бросился за ними, угрожая бичемъ, и догнавши маленькаго Ганса, только что хотѣлъ ударить его, какъ мальчикъ, обернувшись, сказалъ подъ впечатлѣньемъ минуты: „Не бейте меня, Богъ можетъ увидать! „Староста остановился, удивленно посмотрѣлъ на дитя, потрепалъ его по щечкѣ и далъ ему серебряную монету". Мой Гансъ Христіанъ замѣчательный ребенокъ, говорила его мать, всѣ его любятъ, даже и этотъ недобрый староста далъ ему монету.

Одно время Андерсенъ работалъ на фабрикѣ. Обладая превосходнымъ голосомъ, онъ часто пѣлъ въ своемъ садикѣ и по пути на фабрику, голосъ его былъ такъ увлекателенъ, что проходившіе мимо люди останавливались и заслушивались его. Однажды фабричные работники спросили Ганса: умѣетъ ли онъ пѣть. Онъ запѣлъ, и всѣ станки мгновенно смолкли. Послѣ того его часто просили пѣть на фабрикѣ, а другіе работали за него. На фабрикѣ ему жилось хорошо, какъ грубая выходка одного изъ рабочихъ заставила задумчиваго, нервнаго мальчика бѣжать безъ оглядки съ этой фабрики и никогда не приближаться къ ней.

Даровитая натура Андерсена возбуждала къ нему вниманіе и сочувствіе людей высшей, болѣе образованной среды нежели та, къ которой принадлежали его родители. Первой покровительницей его была г-жа Бункефлодъ, вторымъ—полковникъ Хегъ Гульдбергъ. Гульдбергъ обратилъ вниманіе принца Христіана на даровитаго ребенка. Принцъ предложилъ помѣстить Андерсена въ ученье къ какому нибудь ремесленнику и взялся платить за него. Это предложеніе было не принято. Впослѣдствіи, когда принцъ сталъ королемъ Христіаномъ VIII, то относился къ Андерсену сочувственно.

Вниманіе принца къ юношѣ Андерсену возбудило въ городѣ толки и зависть до того, что разъ даже уличные мальчишки, вслѣдствіе разныхъ толковъ, гнались за Андерсеномъ съ криками: „вотъ идетъ сочинитель піесъ! Разсказывая

этотъ случай, Андерсенъ прибавляетъ, вернувшись домой, я запрятался въ уголъ, плакалъ и молился".

Мать Андерсена любила его до баловства и долго не рѣшала, что изъ него сдѣлать. Наконецъ нельзя было откладывать далѣе. Рѣшили отдать его въ ученье портному мастерству, какъ только онъ причастится святыхъ таинъ. Но поступить въ портные ему не привелось. Вскорѣ труппа актеровъ королевскаго театра посѣтила Одензе. Весь городъ былъ увлеченъ ими. Страсть молодого Ганса Христіана къ сценической дѣятельности вспыхнула, и онъ сталъ думать только о томъ, какъ бы уѣхать въ Копенгагенъ, который, по его мнѣнію, былъ величайшимъ городомъ въ мірѣ; желаніе свое онъ заявилъ матери, увѣряя ее, что онъ достигнетъ извѣстности. Вспоминая все, что онъ читалъ о великихъ людяхъ, Гансъ сдѣлалъ тотъ выводъ, что знаменитымъ людямъ въ началѣ всегда приходится пережить много непріятнаго, а потомъ и прославятся.

Мать долго противилась намѣренію сына, но, посовѣтовавшись съ одной разсудительной женщиной, согласилась въ надеждѣ, что сынъ вернется домой какъ только налюбуется на море. Однако этого не случилось: четырнадцатилѣтній Гансъ, увлеченный порывомъ истиннаго призванія, сопротивлялся такому побужденію. Выйдя на берегъ Зеландіи, онъ упалъ на колѣни, обратился съ жаркой молитвой къ Богу, и 5 сентября 1819 года вошелъ въ Копенгагенъ, въ тотъ городъ, который съ этого времени сталъ его постояннымъ мѣстопребываніемъ.

Въ Копенгагенѣ ему, бѣдному мальчику, пришлось испытать нужду, разочарованье и всю горечь неудовлетворенныхъ стемленій прежде нежели проложилъ себѣ дорогу къ желаемой цѣли.

Добывъ рекомендательное письмо къ одной знаменитой танцовщицѣ, онъ, желая показать ей образчики своего сценическаго искусства, такъ поразилъ танцовщицу, что она приняла его за сумашедшаго и выгнала вонъ. Дирек-

торъ драматическаго театра, къ которому Гансъ явился, также отказалъ ему, говоря, что онъ недостаточно образованъ для карьеры драматическаго актера. Андерсенъ сталъ падать духомъ, но, вспомнивъ, что у него прекрасный голосъ, отрекомендовался директору музыкальной академіи Сибони, возбудилъ къ себѣ его сочувствіе, и сочувствіе его друзей. Когда же и голосъ измѣнилъ ему и оказалось, что самая наружность его неудовлетворяетъ сценическимъ условіямъ, то Андерсену пришлось бы пропадать, но его выручили принявшіе въ немъ участіе, въ числѣ которыхъ поэтъ Гульдбергъ занималъ первое мѣсто, братъ полковника Гульдберга, покровительствовавшаго Андерсену еще въ Одензе.

Въ Копенгагенѣ Андерсенъ познакомился не только что съ Гульдбергомъ, но и съ другими людьми, занимающими высокое общественное положеніе, съ Вольфомъ—переводчикомъ Шекспира и Эрстедомъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ электромагнетизма, оба они остались навсегда его друзьями.

Нѣсколько разъ Андерсенъ пытался писать драмы, но театральное начальство не приняло ни одной изъ нихъ.

Въ эти мрачные дни своей жизни онъ утѣшался чтеніемъ произведеній Вальтеръ Скотта и чтобы достать ихъ для прочтенія нерѣдко обходился безъ обѣда.

Спустя три года по пребываніи Андерсена въ Копенгагенѣ, въ жизни его совершился переворотъ. Кто-то разсказалъ его исторію тайному совѣтнику Коллину, этотъ достойный человѣкъ, соединявшій въ себѣ блестящій умъ съ благородствомъ и добротой, однажды написалъ Андерсену, чтобы онъ зашелъ къ нему. Андерсенъ отправился и былъ принятъ нѣсколько холодно, Коллинъ едва упомянулъ о его послѣдней піесѣ, которую нѣкоторые изъ друзей Андерсена очень расхваливали ему, и юный авторъ вышелъ отъ Коллина безъ всякой надежды на какую либо помощь. Но спустя нѣсколько дней получилъ увѣдомленіе, что онъ отрекомендованъ королю и его посылаютъ на казенный счетъ въ школу грамматики (нѣчто въ родѣ нашихъ гимназій) въ Шлагельзе.

Это былъ первый шагъ Андерсена къ литературной извѣстности. Несмотря на недостаточность своего образованія, онъ съ жаромъ принялся за дѣло. Но дни его пребыванія въ школѣ оказались самыми несчастными днями его жизни.

Начальникъ школы докторъ Мирлингъ, несмотря на извѣстное расположеніе къ Андерсену, позволялъ себѣ издѣваться надъ странностями своего отсталаго взрослаго ученика, впечатлительная натура котораго сильно страдала отъ такихъ выходокъ. Андерсенъ сносилъ насмѣшки въ теченіи пяти лѣтъ и наконецъ къ своей величайшей радости вернулся въ Копенгагенъ. Но прежде возвращенія въ Копенгагенъ, онъ посѣтилъ родной городъ, гдѣ родные и друзья встрѣтили его искренними поздравленіями.

Во время пребыванія въ Шлагельзе, онъ познакомился съ поэтомъ и романистомъ Ингеманномъ, датскимъ Вальтеръ Скоттомъ и съ его молодой женою, которые остались съ нимъ друзьями навсегда.

Во время своего пребыванія въ школѣ, Андерсенъ написалъ нѣсколько поэмъ, одна изъ этихъ поэмъ подъ названіемъ „Умирающій ребенокъ“ получила большую извѣстность.

Вернувшись въ Копенгагенъ, онъ поселился на чердакѣ и, занимаясь подъ руководствомъ учителя, выдержалъ академическій экзаменъ, требуемый отъ студентовъ копенгагенскаго университета, и со всѣхъ сторонъ встрѣтилъ одобреніе.

Великій датскій драматическій писатель Эленшлегеръ съ сочувствіемъ поощрялъ юнаго литератора къ дальнѣйшей дѣятельности. Въ 1828 году Андерсенъ напечаталъ свою первую книгу „Путешествіе пѣшкомъ съ Гольемскаго канала до восточной вершины Амагера“, успѣхъ которой тотчасъ открылъ ему доступъ въ литературный міръ. Затѣмъ онъ написалъ водевиль, который былъ принятъ дирекціей театра и представленъ.

Съ этого времени судьба стала улыбаться ему. Въ 1830 году онъ посѣтилъ свой родной островъ Фуненъ, а въ слѣ-

дующемъ отправился въ Германію, гдѣ познакомился съ нѣкоторыми знаменитыми литераторами.

Въ теченіи этого года и многихъ другихъ Андерсенъ существовалъ только литературнымъ трудомъ.

Онъ писалъ поэмы, разсказы, театральныя піесы, переводилъ и сочинялъ либретто для оперъ. Критики относились къ нему недоброжелательно и несправедливо. Юморъ, шутливость и та роскошная фантазія, которой отличались первыя поэмы и этюды юнаго автора, не согласовались со вкусомъ времени, и сдѣлался цѣлью насмѣшекъ.

Положеніе Андерсена становилось невыносимо, но друзья поддержали его. Они выхлопотали ему у короля пенсію, въ видѣ пособія на путешествіе. Эта пенсія дала Андерсену возможность объѣхать: Германію, Францію, Швейцарію и Италію. Путешествіе сильно развило его умственныя способности. Среди роскошной природы Рима и Неаполя у него родилась мысль написать своего „Импровизатора". Романъ этотъ, который онъ издалъ вскорѣ по возвращеніи на родину, сразу далъ ему блестящую извѣстность. Общественное мнѣніе стало выше отзывовъ критики. Книга расходилась быстро и вскорѣ была переведена на языки: нѣмецкій и шведскій, а потомъ на англійскій, голландскій, французскій, русскій и чешскій.

Въ томъ же году былъ изданъ первый маленькій томикъ его сказокъ. Въ немъ были помѣщены: „Дѣвочка со спичками", „Принцесса на горошинкѣ", „Маленькій Клаусъ", „Большой Клаусъ" и „Цвѣты маленькой Иды".

Первыя три сказки онъ слышалъ въ дѣтствѣ, своемъ а послѣдняя создалась у него въ воображеніи въ то время, когда онъ слушалъ какъ поэтъ Тиле говорилъ своей маленькой дочери Идѣ о цвѣтахъ въ ботаническомъ саду. Эти сказки были встрѣчены датской критикой холодно и недружелюбно, но несмотря ни на что, въ слѣдующемъ году онѣ вышли вторымъ выпускомъ, а затѣмъ въ теченіи пяти лѣтъ вышли и остальныя.

Андерсенъ заимствовалъ содержаніе своихъ сказокъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ являются передѣлкой древнихъ басень и сказокъ, такъ „Розовый Эльфъ“ заимствованъ изъ разсказа знаменитаго итальянскаго поэта Боккачіо, „Шалунъ мальчикъ“—у греческаго поэта Анакреона. Сюжеты многихъ его сказокъ были предложены ему его друзьями.

Однажды знаменитый датскій скульпторъ Торвальдсенъ, который высоко цѣнилъ сказки Андерсена и былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, встрѣтясь съ нимъ въ одномъ знакомомъ домѣ, сказалъ: „Ну, напишите-ка намъ новую сказочку, вамъ вѣдь ни по чемъ, пожалуй, написать сказку даже и о штопальной иголкѣ, и разсказъ „Штопальная игла“ тотчасъ былъ написанъ. Содержаніе сказки „Горлышко бутылки“ было предложено поэтомъ Тиле, сказка „Жукъ“—извѣстнымъ англійскимъ романистомъ Диккенсомъ.

Но у Андерсена есть цѣлый рядъ сказокъ, основанныхъ на его личномъ опытѣ, самая блестящая изъ нихъ „Безобразный утенокъ“, вѣроятно извѣстна всѣмъ нашимъ читателямъ.

Въ 1847 году Андерсенъ посѣтилъ Англію. Датскій консулъ ввелъ его въ домъ лорда Пальмерстона, и датскій сказочникъ очутился въ самомъ избранномъ обществѣ. Искреннее сочувствіе и уваженіе, которое онъ встрѣтилъ въ Англіи, удивило датскихъ критиковъ, они не съумѣли понять и оцѣнить его таланта. Изъ Англіи Андерсенъ проѣхалъ въ Шотландію, гдѣ его встрѣтили также сочувственно. Въ 1857 году, по просьбѣ Диккенса, Андерсенъ опять посѣтилъ Англію.

Въ 1859 году онъ вторично былъ въ Ютландіи, своеобразная природа которой уже вдохновляла его. Необозримыя степи, окаймленныя низенькими песчаными дюнами, обозначающими предѣлы суроваго Сѣвернаго моря, произвели на него подавляющее впечатлѣніе своимъ величіемъ. Ютландскіе пейзажи въ первый разъ послужили ему фономъ повѣсти „О. Т.“, на этотъ разъ они вдохнули ему два разсказа: „Исто-

рію песчаныхъ холмовъ“ и „Епископъ Борглумъ и его родня“.

Послѣдніе годы своей жизни Андерсенъ провелъ въ путешествіяхъ. Онъ нѣсколько разъ объѣхалъ Италію, Швейцарію, Голландію, Францію, Испанію, Португалію и Средиземное море.

Въ промежуткахъ между путешествіями онъ писалъ небольшіе разсказы и сказки.

Соотечественники датскаго сказочника перестали завидовать ему и превратно истолковывать его дѣйствія, они поняли, что наивная привычка Андерсена говорить о себѣ и восхищаться собою были ребячески просты, безвредны и не затмевали ни его замѣчательнаго, разнообразнаго таланта, ни его безупречной жизни.

Андерсенъ всю жизнь провелъ одинокимъ холостякомъ. Въ исторіи его ранней юности виднѣется туманный намекъ на любовь и мечты о бракѣ, но повидимому это чувство осталось даже невысказаннымъ, молодая дѣвушка, которая ему нравилась, стала женою другаго, даже и не подозрѣвая, какое вліяніе произвела на жизнь поэта. Ему бы жениться на аистѣ, говорили иные, намекая на его симпатію къ этимъ интереснымъ птицамъ.

Дѣти, аисты и цвѣты были предметомъ его обожанія. Отъ дѣтей онъ готовъ былъ вынести все, и они въ свою очередь платили ему беззавѣтной любовью и поклоненіемъ.

Разсказъ дорогого Андерсена, какъ дѣти обыкновенно называли его, служилъ лучшей наградой, лучшимъ наслажденіемъ, любимыми игрушками маленькимъ копенгагенцамъ, и до сихъ поръ являются небольшія глиняныя фигурки Оле Луколе и другихъ дѣйствующихъ лицъ его волшебнаго міра.

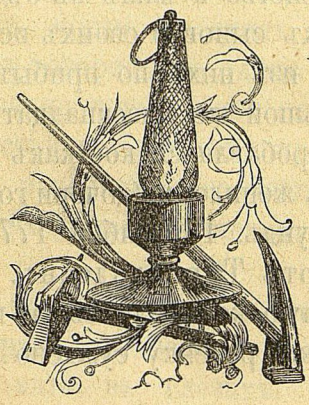
Андерсенъ былъ некрасивъ и неловокъ, но у него были въ высшей степени привлекательныя, симпатичныя манеры и пріятный, мелодическій голосъ. Онъ превосходно читалъ вслухъ, и друзья всегда слушали его съ наслажденіемъ. Кромѣ того онъ великолѣпно вырѣзывалъ изъ бумаги маленькія фи-

гурки и даже цѣлыя сцены, и иллюстрировалъ ими какую нибудь фантастическую, импровизированную сказку.

Послѣдніе дни жизни Андерсенъ проводилъ близъ Копенгагена въ виллѣ, принадлежавшей семейству Мельхіоръ, съ которымъ его связывала самая искренняя дружба. Жители Копенгагена и иностранцы, пріѣзжавшіе въ Данію, навѣщали знаменитаго сказочника, талантъ котораго еще при жизни встрѣтилъ сочувствіе и уваженіе во всемъ читающемъ мірѣ.

Второго апрѣля 1875 года Андерсену минуло семьдесятъ лѣтъ, и друзья торжественно отпраздновали день его рожденія. Четвертаго августа того же года онъ скончался отъ болѣзни, которой страдалъ съ давняго времени. Вотъ уже прошло много лѣтъ съ кончины Андерсена, а слава датскаго сказочника нетолько что не померкла, но его поэтическія сказки читаются на расхватъ какъ взрослыми, такъ и маленькими читателями.

А. Сахарова.



АЛЬБЕРТЪ ТОРВАЛЬДСЕНЪ.

„Изучая древнихъ, онъ кончилъ тѣмъ, что похитилъ у нихъ не только что наружныя формы, но самую душу скульптуры,—тайну вызывать жизнь въ неподвижныхъ фигурахъ и осуществлять идеалы природы, не отступая отъ нея.

РОДЪ Торвальдсена происходитъ изъ Исландіи, гдѣ предки его занимали разныя почетныя должности, а дѣдъ его былъ скромнымъ пасторомъ въ Меклеби; такъ какъ онъ имѣлъ большое семейство и жилъ въ бѣдности, то и отправилъ двухъ старшихъ сыновей своихъ искать счастья въ Копенгагенъ. Старшій изъ нихъ по прибытіи въ Копенгагенъ вскорѣ умеръ; меньшой же, шескнадцатилѣтній юноша, по имени Готшалькъ пробавлялся кое-какъ рѣзбой на деревѣ, и двадцати семи лѣтъ женился на дочери готландскаго крестьянина Каренъ Гренлундъ. 19 ноября 1770 года у нихъ родился сынъ Альбертъ Торвальдсенъ. Кто бы могъ подумать, глядя на бѣдную колыбель сына копенгагенскаго ремесленника, что этому ребенку суждено быть славою своего отечества.

Отецъ Торвальдсена высокій, худощавый, угрюмый ремесленникъ не отличался особенными способностями; онъ работалъ на копенгагенскихъ верфяхъ, гдѣ въ то время, по

случаю американскихъ воинъ, строилось очень много кораблей, которые, по тогдашнему обычаю, украшались разными, вырѣзанными изъ дерева, фигурами. Важнѣйшія изъ этихъ работъ отдавались рѣщику королевскаго флота. На долю Готшалька большей частію, доставались украшенія на частныхъ судахъ. Но не одинъ недостатокъ искусства препятствовалъ Готшальку улучшить свое положеніе; къ этому присоединились—не терпѣніе и пристрастіе къ вину.

Въ тѣсной, холодной квартирѣ Готшалька на всемъ лежала печать страшной бѣдности; того, что зарабатывала прялкой трудолюбивая Каренъ, едва хватало на самыя необходимыя издержки.

Альбертъ Торвальдсенъ всегда съ глубокой любовью вспоминалъ о своей матери, онъ, какъ видно, почти постоянно оставался съ нею, и вѣроятно ей обязанъ той любовью къ добру, тѣми прекрасными, благородными правилами, которыя впослѣдствіи были основными чертами его симпатичной натуры.

Готшалькъ, большей частію работалъ на верфяхъ, а свободное время проводилъ въ кругу пріятелей, гдѣ-нибудь въ погребкѣ. При такихъ условіяхъ маленькій Бертель, какъ называли дома Альберта, мало бывалъ съ отцемъ, въ первые годы своей жизни, когда же сталъ подростать, то не рѣдко бросалъ игры съ товарищами, одинъ бѣжалъ къ отцу—по пути останавливался на королевской площади засмотрѣвшись на статую Христіана V., потомъ прибѣжавъ къ отцу, хваталъ маленькими рученками его инструменты и пробовалъ рѣзать ими фигуры, удивлявшія товарищей Готшалька.

Такъ проходили первые годы дѣтства Торвальдсена. Въ памяти его сохранились однѣ печальныя картины—нетопленая комната, мать въ слезахъ, ворчливый отецъ, возвращающійся домой нетвердой поступью, да хозяинъ дома съ требованіемъ денегъ за квартиру. Вообще же Торвальдсенъ мало помнилъ что нибудь изъ этого пе-

ріода своего возраста. Впрочемъ онъ расказывалъ извѣстному писателю Андерсену одно маленькое происшествіе изъ своего ребячества, которое хотя и не имѣетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго, но сохранилось въ его воспоминаніи какъ фантастическій сонъ: Ничто такъ не занимало маленькаго Бертеля, какъ прялка его матери, но ему строго было запрещено ее трогать, и за ослушаніе не разъ доставалось по рукамъ. Однажды ночью, Бертелю какъ-то неспалось. Онъ долго тихо, не шевелясь, лежалъ въ своей бѣдной кроваткѣ, подъ конецъ ему это наскучило: онъ приподнялъ голову и сталъ смотрѣть по сторонамъ; отецъ и мать крѣпко спали въ той же комнатѣ; въ окна ярко свѣтилъ мѣсяцъ; кругомъ была глубокая тишина. Малюткѣ стало жутко... прямо передъ нимъ стояла прялка; онъ не могъ отверсти отъ нее взоровъ; прялка какъ бы неодолимой силой влекла къ себѣ... и вотъ,—осторожно сползаетъ онъ съ кроватки; подкрадывается къ прялкѣ, усаживается передъ ней на корточки и давай вертѣть колесо. Шумъ прялки разбудилъ мать. Она присматривается и съ ужасомъ видитъ за прялкой какое-то маленькое существо, оно, при лунномъ освѣщеніи, показалось ей чѣмъ-то сверхъестественнымъ, она вообразила, что это домовой, который, по народному вѣрованію, приходитъ ночью прясть, если хозяйка забудетъ завязать, или спрятать конецъ нитки. Въ страхѣ она разбудила своего мужа. Готшалькъ мало вѣрилъ въ домовыхъ. Всмотрѣвшись въ вертѣвшееся колесо, онъ узналъ Бертеля и легкимъ пинколъ загналъ шаловливое привидѣніе въ кроватку. Былъ еще одинъ случай съ Торвальдсеномъ въ дѣтствѣ. Когда ему было около десяти лѣтъ, то разъ какъ-то, привлеченный видомъ зрѣлыхъ яблоковъ въ сосѣднемъ саду, онъ вмѣстѣ съ товарищами отправился на фуражировку. Фуражировка окончилась неудачей, ихъ застали,—пришлось утекать. Во время бѣгства Бертель въ потьмахъ наткнулся на заборъ, слѣдствіемъ чего была значительная рана подъ подбородкомъ, рубецъ отъ которой остался у него на цѣлую жизнь.

Вотъ почти все, что помнилъ Торвальдсенъ о своемъ дѣтствѣ и неохотно говорилъ объ этомъ безотрадномъ времени своей жизни.

О первоначальномъ воспитаніи и ученіи Торвальдсена ничего не извѣстно, повидимому воспитаніе ограничивалось тѣмъ, что могла передать ему мать. Отецъ, должно быть, самъ училъ его писать, что можно предположить по сходству ихъ почерковъ. Вѣроятно онъ же первый училъ его и рисованію. Страсть къ рисованію въ Торвальдсенѣ обнаружилась очень рано и съ такимъ явнымъ дарованіемъ, что одинъ изъ пріятелей Готшалька посовѣтовалъ ему помѣстить талантливаго мальчика въ академію художествъ, на что Готшалькъ согласился безъ затрудненія, несмотря на то, что Альбертъ уже помогалъ ему въ его занятіяхъ, и что онъ разносилъ по домамъ зеркальныя рамы и другія подѣлки всегда въ сопровожденіи своего маленькаго сына стройнаго, красиваго, бѣлокураго мальчика, плохо одѣтаго и съ нечесаными волосами.

Въ 1781 году Бертель поступилъ въ академію художествъ въ послѣдній классъ, а на слѣдующій годъ перешелъ въ высшій классъ рисованія фигуръ и при самомъ началѣ своихъ занятій обнаружилъ наклонность къ скульптурѣ.

Въ классѣ рисованія фигуръ Торвальдсенъ просидѣлъ два года, вѣроятно сколько по совѣту своего профессора, который говорилъ, что не умѣя рисовать нельзя быть хорошимъ художникомъ, столько и потому, что отецъ часто по цѣлымъ днямъ заставлялъ его работать дома или на верфи разныя вещи, на которыя имѣлъ заказы. Нерѣдко случалось, что въ то время когда Готшалькъ работалъ на верфи и Альбертъ приносилъ ему туда обѣдать, то пока отецъ занятъ былъ ѣдой, сынъ провѣрялъ и исправлялъ его работу.

Перейдя въ гипсовый классъ, Бертель принялся рисовать съ антиковъ съ увлеченіемъ, и даже со взглядомъ

противоположнымъ направленію профессоровъ, бывшимъ подъ вліяніемъ манерности стиля того времени. Это была эпоха упадка искусства. Вычурность рисунка, изысканность позъ, неестественность движеній были отличительными качествами тогдашнихъ художниковъ.

Но уже слышались голоса, которые говорили о простотѣ и натуральности въ искусствѣ и показывались произведенія, въ которыхъ замѣтно было изученіе природы и антиковъ. Однимъ изъ первыхъ предвозвѣстниковъ возрожденія искусства былъ Винкельманъ.

Въ натурномъ классѣ Альбертъ Торвальдсенъ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго датскаго живописца Николая Абильдгаарда, который и предохранилъ его отъ ложной дороги.

Шестнадцати лѣтъ Торвальдсенъ первый разъ причащался святыхъ таинъ и получилъ первую академическую награду—малую серебряную медаль.

Тогда Готшалькъ сталъ часто поручать сыну свои работы, что отвлекало его отъ академіи, вѣроятно онъ и самъ былъ радъ не ходить въ классы, пользуясь отсутствіемъ Абильдгаарда, по счастію онъ скоро возвратился и Торвальдсенъ снова занялся дѣломъ, такъ усердно, что получилъ большую серебряную медаль за барельефъ—отдыхающій амуръ.

Чтобы подготовиться къ предстоящему академическому конкурсу, Торвальдсенъ съ тремя товарищами составилъ общество, которое шутя они назвали „маленькой академіей“ и упражнялись въ композиціи рисунковъ на заданныя темы При одной мысли о конкурсѣ, сердца молодыхъ художниковъ замирали отъ страха. Торвальдсенъ съ необыкновенной быстротой схватывалъ сюжетъ, набрасывалъ эскизы, и въ то время, какъ другіе еще толковали о темахъ, онъ кончивши работу, сидѣлъ тихо за столомъ, лѣпилъ что нибудь изъ глины или набрасывалъ карандашемъ все что попадало на глаза.

Когди наступилъ ожидаемый день конкурса на малую золотую медаль, Торвальдсенъ въ страхѣ явился въ академію. Ему досталась тема — „Изгнаніе Эліодора изъ храма“. Затѣмъ всѣхъ размѣстили по особымъ ложамъ до окончанія своего эскиза.

Робость и неувѣренность въ своихъ силахъ до того охватила Торвальдсена, что онъ только и думалъ какъ бы убѣжать. Ему удалось проскользнуть изъ ложи по задней лѣстницѣ, и онъ выбѣжалъ изъ академіи. Въ воротахъ бѣглеца встрѣтилъ одинъ изъ старыхъ профессоровъ, побранилъ его и заставилъ возвратиться на старое мѣсто. Вскорѣ явилось вдохновеніе и Торвальдсенъ набросалъ эскизъ, который осыпали похвалами, Абильдгаардъ представилъ Торвальдсена датскому государственному министру графу Ревентлову. Графъ тотчасъ же заказалъ копію съ его барельефа, и когда составилась подписка чтобы доставить возможность художнику сдѣлать барельефъ, графъ подписался первымъ, а за нимъ подписались очень многіе.

Съ этого времени средства къ жизни семейства Торвальдсена стали увеличиваться, и домашній бытъ улучшался, отецъ чаще оставался дома, рѣже грустѣла и плакала мать. Квартира нанята была помѣстительная, чистая. У Альберта была отдѣльная, небольшая мастерская, гдѣ никто не мѣшалъ ему пилить на скрипкѣ, пачкаться глиной и затягиваться трубкой, на сколько хватало охоты. Торвальдсенъ страстно любилъ музыку, и на первыя свободныя деньги купилъ флейту и скрипку и сталъ брать на нихъ уроки.

Спустя немного времени, когда скрипка, флейта и трубка надоѣли Альберту и были брошены, у него проявилась страсть къ животнымъ, и особенно къ собакамъ; при немъ постоянно находилась собака другъ, умную физіономію которой, геніальная рука его увѣковѣчила въ мраморѣ. Большой извѣстностію пользовалась его любимица Теверино, не разъ появлявшаяся въ его произведеніяхъ.

Конкурсъ на большую золотую медаль Торвальдсенъ

встрѣтилъ спокойно, съ увѣренностію въ своихъ силахъ, 1793 года академія присудила ему за барельефъ „св. Петръ изцѣляющій хромого"—высшую награду: большую золотую медаль съ правомъ посылки за границу.

II.

Передъ Торвальдсеномъ открылась дорога въ классическую Италію. Но прошло три года прежде чѣмъ онъ рѣшился разстаться съ Копенгагеномъ, гдѣ усердно помогалъ отцу рисунками и рѣзбой, чѣмъ пріобрѣталъ ему множество заказовъ. Своими же собственными скульптурными произведеніями, уроками рисованья и портретами значительно помогалъ родителямъ. Съ его отъѣздомъ ихъ ожидала прежняя горемычная жизнь. Кромѣ того, безграничная любовь къ сыну заставляла ихъ страшиться отъѣзда своего милаго, кроткаго Бертеля, они всѣми мѣрами старались оттянуть роковую минуту, даже придумали женить его, чтобы совсѣмъ удержать отъ поѣздки. Они выбрали ему въ невѣсты очень милую, добрую дѣвушку, Маргариту, дочь ихъ стараго пріятеля.

Тарвальдсенъ былъ не прочь жениться и вскорѣ былъ помолвленъ.

Все это вмѣстѣ, а также и пріятная, веселая жизнь среди хорошихъ знакомыхъ, общественныя удовольствія и особенно театръ пріятно наполняли его время. Въ театрѣ онъ являлся не только что опрятно, но даже щеголевато одѣтымъ. Послѣ полученія золотой медали, Альбертъ былъ принятъ въ число членовъ литературно-драматическаго общества и сблизился со многими литературными учеными знаменитостями столицъ. Скоро присоединилась къ нему фаланга молодыхъ художниковъ, среди которыхъ онъ занималъ первое мѣсто по своей даровитости и пользовался репутаціей добраго, хорошаго товарища, готоваго помочь въ

нуждѣ и веселиться на пирушкѣ съ живой рѣчью—душа на распашку. Онъ никогда не сердился на шутку, не оскорблялся остротой, въ спорахъ былъ кротокъ и снисходителенъ, но больше любилъ слушать нежели говорить и не выносилъ хвастовства. Разъ одинъ скульпторъ расхвастался передъ нимъ своими произведеніями. Торвальдсенъ не выдержалъ „да пусть, сказалъ онъ, свяжутъ мнѣ руки, бьюсь объ закладъ, что я зубами вырѣжу изъ мрамора лучше чѣмъ вы".

Временемъ на Торвальдсена нападала тоска и упадокъ духа, тогда онъ весь погружался въ себя, удалялся отъ людей, дѣлался капризенъ. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ сказалъ:

— Удивляюсь какъ разумные люди могутъ смѣяться!

Наконецъ надобно было подумать о путешествіи. Торвальдсенъ колебался — какъ покинуть родителей! думалъ онъ, — по счастію для искусства, Абильдгаардъ уговорилъ, онъ подалъ прошеніе въ академію художествъ о поѣздкѣ заграницу и тотчасъ получилъ отвѣтъ, что академія согласна и даетъ ему ежегоднаго пособія 400 талеровъ.

Сверхъ того ему выхлопотали позволеніе ѣхать на королевскомъ фрегатѣ, отправлявшемся въ Средиземное море.

Сколько слезъ было пролито бѣдной матерью, когда наступилъ день отъѣзда! она предчувствовала что не увидитъ больше своего Бертеля. Обливаясь горячими слезами, она показывала утѣшавшимъ ее знакомымъ коробочку, наполненную золотомъ—послѣдній подарокъ милаго сына, и цѣловала забытую имъ старую жилетку.

1796 года, 30-го августа, рано утромъ Торвальдсенъ переѣхалъ на фрегатъ „Тетисо", фрегатъ поднялъ якорь и вышелъ въ море.

Плаванье было продолжительно и опасно.

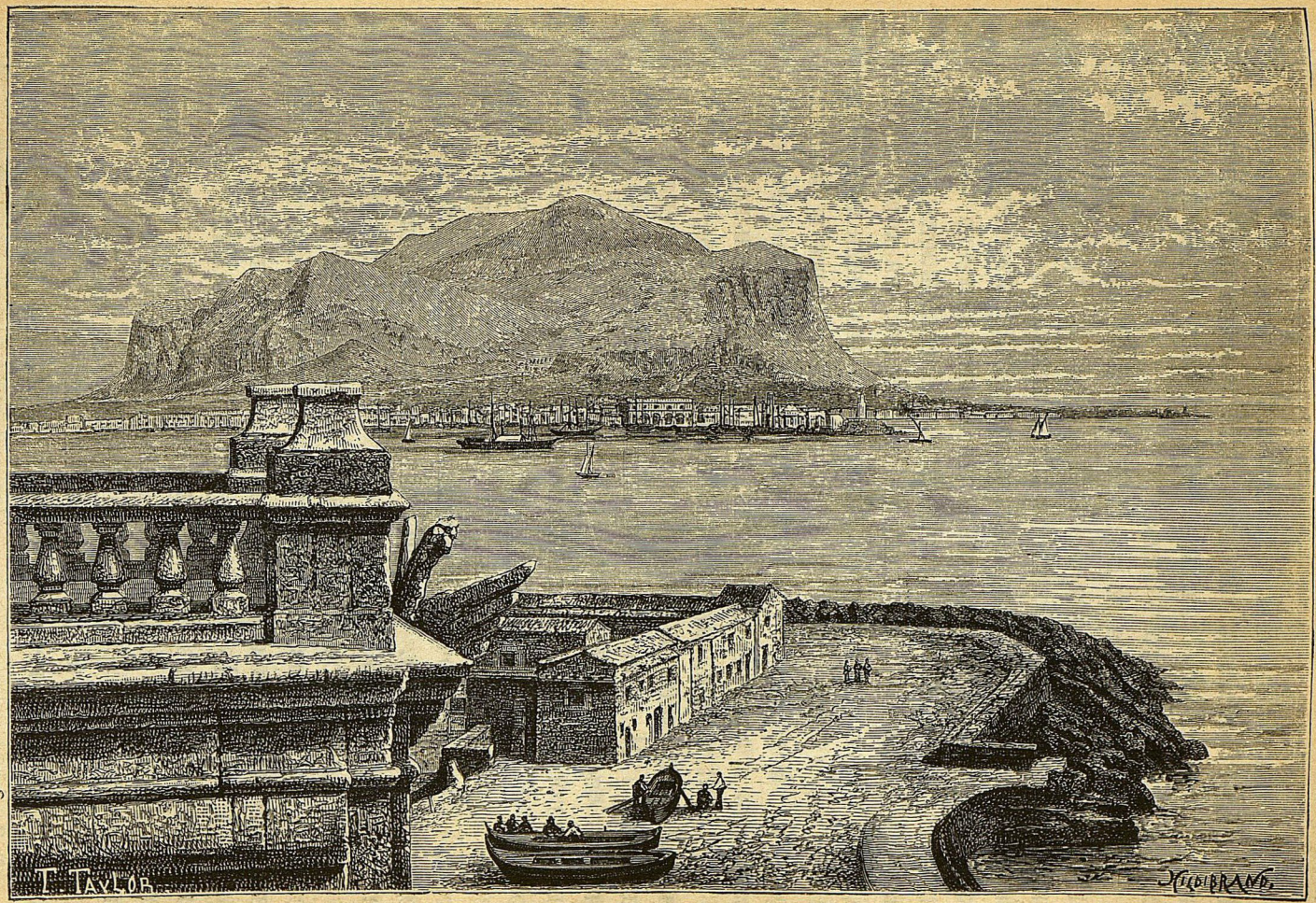
Въ продолженіи своего плаванія Торвальдсенъ рисовалъ въ альбомахъ своихъ спутниковъ и дѣлалъ портреты капитана и офицеровъ—съ подписью B. Tholwoldsen Malte 1796.

Вотъ что писалъ о Торвальдсенѣ капитанъ въ Копенгагенъ, когда они стояли передъ Лавалетой.

„Торвальдсенъ еще здѣсь, но онъ ищетъ случая отправиться въ Римъ. Онъ здоровъ, это ты можешъ передать его роднымъ, что съ нимъ будетъ—одному Богу извѣстно, онъ до такой степени лѣнивъ, что не въ состоянiи написать самъ, и на кораблѣ не выучился ни одному итальянскому слову. Я рѣшился отправить его къ нашему посланнику въ Неаполь, съ тѣмъ, чтобы тотъ препроводилъ его въ Римъ. У него всего 400 талеровъ ежегоднаго пенсiона, а онъ, Богъ ему судья, держитъ еще собаку. Онъ спитъ цѣлое утро и ни о чемъ болѣе не заботится, какъ объ удобствахъ и лакомствахъ. Впрочемъ, на кораблѣ всѣ его любятъ — онъ славный малый“.

Въ продолженiе двухмѣсячнаго плаванiя, Торвальдсенъ велъ дневникъ, частiю карандашемъ, частiю перомъ, писалъ онъ плохимъ почеркомъ съ орѳографическими ошибками.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого дневника: «Воскресенье, 18-го декабря. Прелестнѣйшее утро, какое только можно вообразить себѣ, возвѣстило намъ очищенiе отъ карантина и свободу. Теплѣе чѣмъ у насъ въ хорошiй осеннiй день. Тотъ самый рыцарь, который, когда мы въ первый разъ подошли къ Мальтѣ, объявилъ намъ нашъ сорокадневный карантинъ, явился сегодня въ 8 часовъ, съ однимъ своимъ товарищемъ къ намъ на корабль. Едва онъ взошелъ, какъ семь лодокъ съ музыкантами разнаго рода расположились на водѣ, подъ каютами, и сыграли намъ всѣ лучшiя пiесы, какiя они знали. Правда, что это было не отлично, за то и не совсѣмъ дурно. Но превосходное утро, новизна, ненависть и страхъ мальтiйцевъ, обратившiеся въ дружбу и довѣрчивость, а больше всего старый идеалъ итальянской музыки въ лодкахъ, на водѣ, осуществившiйся здѣсь, дѣлали эту музыку моимъ ушамъ прелестною, хотя это на самомъ дѣлѣ была только серенада, которая исполнялась не совсѣмъ на мѣстѣ и не совсѣмъ во время“.



ПАЛЕРМО.

Въ январѣ капитанъ отправилъ Торвальдсена черезъ Палермо въ Неаполь. Торвальдсенъ грустно простился съ товарищами своего плаванія, и вотъ какъ онъ описалъ въ своемъ дневникѣ этотъ день.

„Мальта, 10 января. Послѣ обѣда въ 5 часовъ оставилъ я фрегатъ, который изъ Мальты пошелъ въ Триполи. Сидя на лодкѣ, мнѣ было больно видѣть, какъ онъ уходитъ отъ меня. Я съ трудомъ скрывалъ свои слезы отъ вице-консула, который сидѣлъ въ лодкѣ возлѣ лоцмана и еще кого-то другого незнакомаго. Я взошелъ на берегъ, и лоцманъ указалъ мнѣ дорогу къ капитану того судна, на которомъ я долженъ былъ идти отсюда. Онъ только что пришелъ домой. Видя что я опечаленъ, онъ хотѣлъ утѣшить меня и сказалъ: non fors. Вечеромъ я у него поужиналъ, послѣ того онъ показалъ гдѣ я долженъ былъ лечь, все это было очень хорошо“.

„17. Я легъ и, наконецъ, заснулъ. Хозяинъ мой пришелъ и разбудилъ меня и моего Гектора; онъ обнялъ меня и поцѣловалъ. Я вышелъ и отправился въ спироваро *) чтобы надѣть чистое платье, а оттуда пошелъ къ датскому бригу, чтобы поговорить съ капитаномъ; но его не было на кораблѣ. Я пошелъ домой; дорогой Гекторъ былъ очень веселъ и охотился за козами, которыя прыгали вокругъ. Гекторъ свалилъ дѣвочку, державшую на рукахъ дитя, это не сдѣлало имъ вреда. Потомъ онъ свалилъ мальчика, надъ чѣмъ очень смѣялись“.

Въ такомъ родѣ былъ весь журналъ. Ни сокровища скульптуры ни живописи, которыя онъ встрѣчалъ вступивши на классическую землю, не останавливали его вниманія.

„23 января. Послѣ обѣда судно пришло въ Палермо, отправился на берегъ, предъявилъ мой паспортъ, походилъ немного по городу, слѣлалось темно, возвратился на корабль и заснулъ.

„25.... былъ во дворцѣ, видѣлъ картинки Рубенса, оттуда пошелъ въ церковь, которая расписана однимъ сици-

*) Перевозное судно.

ліанцемъ Винченцо-Манно. Онъ расписывалъ плафонъ, дѣйствительно превосходный. Оттуда пошли мы къ Манно—это очень любезный человѣкъ, осмотрѣли у него пять картинъ. Молящаяся Магдалина очень хороша... Онъ отправился съ нами въ академію, она состоитъ изъ трехъ комнатъ... оттуда я пошелъ на ботъ.

„26. Вышедши утромъ, я встрѣтилъ моего переводчика у банкира Мато. Мы отправились съ рыцаремъ, который прибылъ со мною изъ Мальты и гуляли. Пришли къ собору, который строился, и тутъ же посмотрѣли скульптурную мастерскую; тамъ стояли нѣкоторыя уже готовыя статуи, изъ которыхъ я видѣлъ только одну, но она была очень дурна. Я ходилъ въ другія церкви; вечеромъ былъ въ оперѣ, которая была очень хороша. Тамъ двое или трое превосходно пѣли.“

Видъ Неаполя не вызвалъ въ Торвальдсенѣ ни удивленія, ни восторга. Онъ записывалъ въ своемъ дневникѣ цѣну квартиры, возню съ таможенными за отобранныя книги свои, визитъ къ посланнику и обѣды у него, и почти ничего не говоритъ о Museo Burbonico и о превосходныхъ картинахъ и статуяхъ, которыя въ немъ находятся. Только осмотръ Corpo di Monte *) доставилъ Торвальсену удовольствіе.

„7 февраля. Сегодня я видѣлъ Capo di Monte, геръ Антоніо водилъ меня вездѣ. Это было превосходно. Множество прекрасныхъ вещей! тамъ картинки Рафаеля и другихъ великихъ мастеровъ, также этрусскія вещи, монеты, мозаики. Жаль что я долженъ былъ пробѣжать все это скоро.“

Дневникъ оканчивается 17 февраля, Торвальдсенъ пробылъ въ Неаполѣ до 6 марта, 8 марта прибылъ въ Римъ. Съ этого времени 8 марта Торвальдсенъ всегда праздновалъ какъ день своего рожденія.

Съ этого дня открылась передъ Торвальдсеномъ новая жизнь.

* * *

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

*) Превосходная картинная галлерея.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА.

(Народная сказка).

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

ОДНАЖДЫ царь на новый годъ,
Собравши чуть не весь народъ,
Затѣялъ пиръ въ своемъ дворцѣ.
Два старшихъ сына при отцѣ,
Съ своими женами, какъ тѣнь,
Глаза мозолили весь день.
Съ утра Иванушка здѣсь тоже.
„А гдѣ-жъ, сынокъ, твоя жена?“
Царь молвилъ, „это непригоже!..
Ужъ не больна-ли чѣмъ она?“
Вдругъ — такъ и раскатился громъ,
И задрожала вся свѣтлица!..
Бѣгутъ взглянуть — то колесница,
И золотомъ, и серебромъ
Сіяя вся, катитъ къ крыльцу;
И съ криками народъ къ дворцу
Бѣжитъ, запыхавшись за ней;
Шестерка вороныхъ коней,
Взметая пыль, какъ вихрь, несется,
Изъ-подъ копытъ огонь летитъ,
И вся земля, какъ листъ, трясется!..
Кто-жъ въ колесницѣ той сидитъ?..
Она — Иванушки жена.

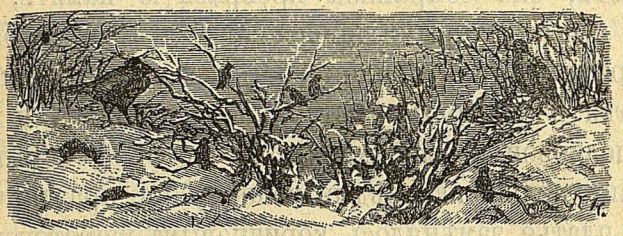
Царица смотритъ изъ окна,
И видитъ — чинно, не спѣша,
Собой, какъ ангелъ, хороша,
Невѣстка на крылечко всходитъ.
Всѣ двери — настежъ!.. и самъ царь,
Орломъ красуяся, какъ встарь,
На встрѣчу, торопясь, выходитъ.
Такой не ожидая встрѣчи,
Иванушка, поднявши плечи,
Притопнувъ съ радости ногой,
Богатыремъ и молодцомъ,
Спѣшитъ впередъ передъ отцомъ.
А царь съ невѣсткой дорогой
Идетъ въ столовую палату:
„Позволь мнѣ, милая, въ отплату,
Тебя, за всѣ твои дары,
Хотя обѣдомъ угостить!“
„Ахъ, батюшка!.. какъ вы добры!..“
„Нѣтъ, ты добра!.. прошу простить,
Коль что не такъ, меня съ царицей —
Вѣдь, предъ такою мастерицей,
Ей-ей, хоть не захочешь, струсишь!..
Садись-же, что-нибудь закусишь!..“
И за особый ото всѣхъ,
Съ царицею и съ нею только,
Садится царь за столъ, нисколько
Не обращаясь, какъ на смѣхъ,
Къ невѣсткамъ старшимъ — тѣ-же обѣ,
На цѣлый свѣтъ нахмурясь въ злобѣ,
Сидятъ, ни съ кѣмъ не говоря,
И лишь украдкой на царя
Съ его любимицей глядятъ,
Шипятъ, глазами ихъ ѣдятъ.
„Э, посмотри!..“ одна шепнула,
Лягушка, вонъ, сейчасъ метнула
Со щами полную тарелку
Въ рукавъ себѣ... течетъ съ руки!..
Постой, и мы не дураки!..
И ту-же выкинемъ продѣлку!“
И все, на блюдахъ что осталось,

Объѣдковъ сколько ни валялось,
Тайкомъ спускаютъ, все собравъ,
Невѣстки старшія въ рукавъ.
А царь опять: „тебя, мой другъ,
Не знаю чѣмъ и наградить!“ —
„Награжена я сверхъ заслугъ!..“ —
„Ну, если хочешь угодить,
Такъ ужъ уважь послѣдней лаской,
Потѣшь меня съ царицей пляской!“
„Извольте, батюшка!“ Пошла,
И всѣхъ и въ пляскѣ превзошла:
Съ Иванушкой своимъ все пляшетъ,
И, какъ крыломъ, рукою машетъ;
Гдѣ рукавомъ она взмахнетъ,
Тамъ свѣта цѣлый снопъ сверкаетъ:
Алмазы, жемчугъ, бирюза,
Такъ и летятъ, слѣпя глаза —
Какъ звѣздочки, сіяя блескомъ,
Весь полъ покрыли съ громкимъ трескомъ;
А гдѣ махнетъ вдругорядь — тамъ
И счету нѣтъ живымъ цвѣтамъ;
Такъ, вотъ, и сыплятся дождемъ,
На весь дворецъ благоухая.
„Эге!.. а мы?.. чего-жъ мы ждемъ?..“
Невѣстки шепчутся вздыхая,
„Давай, махнемъ-ка локоткомъ!“
Взмахнули — и огромный комъ
Объѣдковъ крошекъ и костей
Обрызгалъ сразу всѣхъ гостей!..
Большая кость говяжья — хлопъ!..
Кому-то врѣзалася въ лобъ,
Да такъ, что стонъ пошелъ и звонъ!..
„Фу, гадость!.. эй, гоните вонъ
Неряхъ обѣихъ изъ дворца!“
Царь разсердясь кричитъ на слугъ,
„А вы послушайтесь отца!“
Грозитъ онъ, обраившись вдругъ
Къ оторопѣвшимъ сыновьямъ:
„Вамъ говорю я, какъ мужьямъ —
Смотрите вы за ними въ оба!..

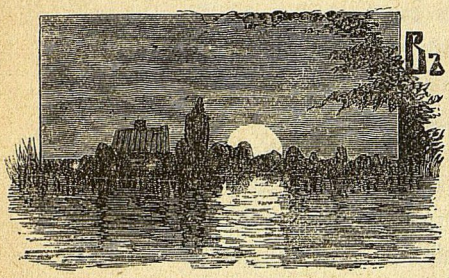
Вишь, завели какой содомъ!..
И соръ, и грязь на цѣлый домъ!"
„Намъ не избыть стыда до гроба!"
Невѣстки, растерявшись, плачутъ;
А сами жадничаютъ, прячутъ
Въ карманы камни дорогіе;
Сбираютъ ихъ наперебой,
Крича и споря межъ собой.
Царь успокоился едва —
Давно онъ этакъ не сердился!..
Забывъ про гнѣвныя слова,
Съ любимицей своей простился,
И остальнымъ махнувъ рукой,
Ушелъ съ царицей на покой.

А. Лукьяновскій.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).



МОЯ НЯНЯ.



Въ ДѢТСТВѢ моемъ у меня была няня, старушка изъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей, по имени Варвара Константиновна. Высокая и добрая, не взирая на свои почти семьдесять лѣтъ, она сохранила прекрасную память, зрѣніе и здоровые зубы, которыми преисправно грызла любимые каленые орѣхи. Туалетъ няни состоялъ изъ темнаго ситцеваго платья и такого же цвѣта большаго платка, и на головѣ черной шелковой косыночки, подъ которой скрывались ея далеко еще не вполнѣ сѣдые волосы; въ праздничные дни ситцевое платье замѣнялось коричневымъ шерстянымъ, подареннымъ ей еще моей покойной бабушкой. Съ наступленіемъ весны, няня разцвѣтала, темное одѣяніе замѣнялось свѣтлымъ,—моя страсть, говорила она, ситчики по бѣлому полю.

Насколько я помню, покупка подарка для няни составляла предметъ особеннаго затрудненія для моей матери, въ главные годовые праздники, во дни ея и моихъ именинъ и въ день моего рожденія, нерѣдко придумывая, чтобы ей подарить, что было бы ей полезно и доставило удовольствіе, оканчивала тѣмъ, что дарила ей денегъ и фунтъ дорогаго чаю, до

котораго няня была большая охотница и въ которомъ знала толкъ. Дѣйствительно, мудрено было пріискать для няни такой подарокъ, который былъ бы ей нуженъ или полезенъ: ея два сундука были наполнены всевозможными вещами, которымъ вѣроятно никогда не суждено было украшать мою добрую старушку. Тщательно сберегаемое добро появлялось на свѣтъ Божій лишь дважды въ годъ, именно ранней весной и поздней осенью, когда мы съ няней выбирали изъ сундуковъ всѣ ея вещи и бережно развѣшивали ихъ на протянутыя на дворѣ, отъ ближайшаго флигеля до дома, веревки, избирая для этого важнаго событія ясный, солнечный день.

Я жила съ своей старой няней что называется душа въ душу, что же касается ея, то я положительно составляла главный предметъ ея привязанности. Она потеряла своего мужа лѣтъ тридцать тому назадъ, перехоронила всѣхъ дѣтей, изъ всѣхъ ея родныхъ у нея оставался одинъ племянникъ, семья котораго состояла лишь изъ жены и сына, которымъ отлично жилось подъ крылышкомъ няни, награждавшей ихъ и деньгами, и различнаго рода имуществомъ.

Какъ любила я забраться, въ осеннія или зимнія сумерки, въ маленькую комнатку моей няни, освѣщаемую слабымъ свѣтомъ, постоянно горѣвшей передъ образами, лампадки, усѣсться рядомъ съ нею на теплой лежанкѣ и слушать ея безконечные разсказы про давнее прошлое, про дорогую для нея старину, которая казалась ей безъ сравненія лучше настоящаго времени.

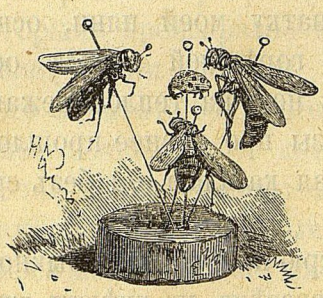
— Какъ посмотрю я, говорила обыкновенно няня, на нынѣшнихъ господъ, совсѣмъ не умѣютъ жить такъ, какъ жили старые господа. Теперь нашего дома узнать нельзя; бывало, что ни день, то гости, сейчасъ музыкантовъ потребуютъ, начнутся танцы, пѣнье, не то соберутъ дворовыхъ дѣвушекъ и женщинъ,—а у насъ дворня, славу Богу, была, не то что теперешняя, поди человѣкъ тридцать въ однихъ барскихъ хоромахъ жило—заставятъ ихъ пѣть, плясать, и идетъ веселье до самыхъ пѣтуховъ. А на кухнѣ три повара, въ три ножа ру-

бятъ, да кушанье готовятъ, а сколько у нихъ еще на подмогу мальчишекъ было. Вѣдь иногда такимъ манеромъ, невзначай, болѣе двадцати человѣкъ гостей наѣдетъ, одной прислуги сколько, кучеровъ, форейторовъ—вѣдь тогда господа ѣзжали все въ шесть лошадей, а не въ четыре и три какъ теперь; экипажами всѣ сараи набьютъ, даже ставить некуда, лошадей—полныя конюшни, всюду говоръ, шумъ, смѣхъ.

— Да ты не думай, что пріѣдутъ это они на одинъ день или на, два—порой недѣлю прогостятъ, не то и больше того. А отсюда поѣдутъ всѣ вмѣстѣ — и нашихъ-то господъ съ собой захватятъ — къ другимъ сосѣдямъ, тамъ прогостятъ нѣсколько деньковъ, затѣмъ къ третьимъ, такъ и катаются цѣлыя недѣли.

Е. Григорова.

(*Продолженіе въ слѣдующемъ №*).



Редакторъ-издательница **Т. ПАССЕКЪ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 октября 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.